

Потрясающая история, ставшая основой фильма
с Аланом Рикманом и Хью Грантом в главных ролях

Берил БЕЙНБРИДЖ
ГРАНДИОЗНОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Свет в океане

Берил Бейнбридж

Грандиозное приключение

«Издательство АСТ»

1989

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Бейнбридж Б.

Грандиозное приключение / Б. Бейнбридж — «Издательство АСТ», 1989 — (Свет в океане)

ISBN 978-5-17-112601-8

Основная канва этого романа обманчиво проста – юная Стелла, воспитанная родственниками, не без влияния эксцентричного дядюшки-театрала поступает на работу в театр и влюбляется в режиссера. Однако эта незатейливая история – лишь возможность для автора показать во всех красках противоречивый мир театрального закулисья. Мир, в котором, будто на острове Питера Пэна (сказка о котором, собственно, и подарила роману название), обитают «пропащие мальчишки», упорно не желающие взрослеть и воспринимающие жизнь как увлекательную игру. Мир, в котором, как в хорошей пьесе, много недосказанного и тайного и все – не то, чем кажется. Здесь разбиваются сердца, мелкие и забавные интриги соседствуют с большими и настоящими человеческими трагедиями, а сюжет, будто придуманный неким невидимым драматургом, неумолимо движется к финалу.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-112601-8

© Бейнбридж Б., 1989
© Издательство АСТ, 1989

Содержание

0	6
1	7
2	12
3	17
4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Берил Бейнбридж

Грандиозное приключение

Роман

Деруэнту и Иоланте Мей

Стирка (он детальнее других рассмотрел жертву). *Это и не птица вовсе! По-моему, это тетенька!*

Шишка (который предпочел бы, чтобы это была птица). *Тетья! А Болтун ее убил.*

Чубик. *Ой, я все понял! Питер прислал ее к нам!*

(Все заинтересованы – зачем?)

Все. *Ай-ай, Болтун, как тебе не стыдно! (Хотя каждый минуту назад был бы рад оказаться на его месте.)*

Болтун (всхлипывая). *Я ее убил! Когда я во сне видел тетеньку, я всегда думал, что это моя мама, а когда она на самом деле прилетела, я ее застрелил.*

Джеймс Барри. «Питер Пэн». Акт 2¹

Beryl Bainbridge
An Awfully Big Adventure

* * *

Печатается с разрешения HarperCollins Publishers.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Beryl Bainbridge, 1989

© Перевод. Е. Суриц, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

¹ Перевод Б. Заходера.

0

Когда опустили пожарный занавес и наконец-то закрыли двери, Мередиту почудился детский плач. Он включил свет в зале, но никого там, естественно, не оказалось. Какой-то несчастный забыл на откидном стуле в третьем ряду плюшевого мишку.

Девчонка дожидалась его в реквизитной. Когда он подошел, попятилась, будто он собирался ее ударить. Он не смотрел на нее. Просто сказал – тем голосом, который раньше всегда пускал в ход, разговаривая с другими, – что в объяснениях не нуждается, да и какие тут могут быть объяснения.

– Я расстроилась, – заявила она. – Каждый бы расстроился. Больше такого не повторится.

Оба услышали, как над ними открылась дверь и Роза тяжело зашагала по коридору.

– Будь моя воля, – он понизил голос, – тебе бы несдобровать.

– И неправда, – она не сдавалась. – Он был счастлив. Все приговаривал: «Как хорошо».

Он был счастлив. Я недостаточно взрослая, чтоб взять на себя вину. Уж точно не всю. Не я одна виновата.

– Иди ты с глаз моих долой. – И, отстранив ее, он пошел по коридору перехватывать Розу.

– Меня подстрекали! – кричала она ему вслед. – Вы этого не забывайте!

Он вспарывал воздух своим крюком.

– И с нее не спросишь со всею строгостью, – сказала Роза. – Не доросла.

Он пошел за ней, через темную сцену, в зрительный зал. Роза увидела плюшевого мишку, взяла за ухо, и он закачался, прикинув к подолу черного платья.

– Жене сообщили? – спросил Мередит.

– Сообщили. Она приедет первым утренним поездом.

Он поднимался за ней следом по каменным ступеням, пригибая голову под сопящими газовыми горелками, и так они дошли до самого верха, до круглого, глядящего на площадь окна. Только пожарные и крысоловы так высоко забирались.

– А записка, – поинтересовался он, – проливает какой-то свет?

– Кто его знает, – сказала Роза. – Бонни счел за благо ее сжечь.

Площадь была в этот час пуста. Давно разошлись цветочницы, оставив желтые ящики у железной решетки общественной уборной. Среди зубчатых домов вспыхивали искрами пароводные огни.

Они стояли молча, глядя в темноту, точно ждали поднятия занавеса. Дверь кафе Брауна вдруг выпустила желтый луч, и женщина в резиновых сапогах вынесла помойное ведро.

Девчонка появилась из переулка, побежала на угол, к автомату. Оглянулась, посмотрела вверх, на круглое окно, будто чувствовала, что на нее смотрят. Лицо на таком расстоянии было мутным, бледным пятном. Мужчина, обвязанный белым шарфом, выплыл из черных теней склада, девчонка остановилась, заговорила с ним.

Он порылся в кармане, что-то ей протянул. Он держал обернутый бумагой букетик.

– Правление будет не в восторге, – сказал Мередит. – Рашфорт взбеленится.

– Ничего, не на ту напал, – ответила Роза. Она прижала мишку к блескам на своей груди и теребила пальцем холодную пуговку глаза.

– Надо думать, – продолжал Мередит, – нам не удастся отбиться от прессы.

– Мне удалось бы, – сказала Роза. – Только я не собираюсь. Из сиротской опеки два раза уже звонили. Прости господи, это делу не повредит.

Прямо внизу липа, вздрагивая ветками на ветру, отряхивала на мостовую брызги фонарного света. Мужчина в шарфе, изящно выгибая над головой одну руку, облегчался за железной решеткой. Они видели ботинки, лоснящиеся под фонарем? и зябкий букетик зимних нарциссов.

1

Сперва это дяде Вернону загорелось, не Стелле. Он думал, что понимает ее; только она встала на ножки, стал выжидать, когда же она заковыляет к подмосткам. Стелла как раз сомневалась. Говорила ему: «Я не буду гоняться за пустыми фантазиями».

А потом она свыклась с этой затеей и два года по пятницам после уроков сбегала с горки к Ганновер-стрит, поднималась на лифте Крейн-холла мимо демонстрационных залов, где слепцы теребили клавиши лаковых пианино, до верхнего этажа миссис Аккерли, чей поджатый рот выплевывал «Карл у Клары украл кораллы» за дымной завесой русских сигарет.

Дома она запиралась у себя в комнате от уборки на кухне и лишних разговоров. За чаем брякала чашку на блюде, портила хорошую скатерть дубильной кислотой и стонала, что это, наверно, отравы, которую приготовил для нее брат Лоренцо². Дядя Вернон орал на нее, а она говорила, что ей еще рано отвечать за свои рефлексии и чувства, – не выросла. Она всегда точно знала, что ей можно, а что нет.

Лили-то думала, что девочка просто учится правильно говорить, и в ужас пришла, когда узнала, что это называется Драматическое Искусство. Убивалась, что Стелла настроится, а потом ее надежды лопнут.

Потом Стелла завалила предварительные экзамены, и учителя решили, что не стоит включать ее в списки на аттестат зрелости. Дядя Вернон бросился в школу шуметь, но вернулся убогоприятным. Там не отрицали, что способности у нее есть, просто нет никакого прилежания.

– По мне, так и правильно, – сказал он Лили. – Уж мы-то с тобой знаем, что ее не убедить.

Он кое-что поразведал, пустил в ход кое-какие связи. После того как пришло то письмо, Стелла четыре субботы по утрам дополнительно готовила с миссис Аккерли в Крейн-холле сценку телефонного разговора из «Билля о разводе»³. Миссис Аккерли сомневалась в ее произношении, склонялась к какой-нибудь Ланкаширской драме, еще бы лучше комедии: было в девочке что-то клоуновское.

Стелла не соглашалась. Я – настоящий подражатель, говорила она, и действительно воспроизводила прокуренный тон миссис Аккерли в совершенстве. Конечно, она для роли была чересчур молода, но пронизательно замечала, что это только оттенит широту ее амплуа. Прослушивание было назначено на третий понедельник сентября.

За десять дней до этого, за завтраком, она объявила дяде Вернону, что сомневается.

– И думать не смей, – сказал дядя Вернон, – теперь уж ничего не поменяешь.

Он составил список покупок и дал ей бумажку в десять шиллингов. Когда через полчаса он вышел в темный холл, брэнча мелочью в кармане, она, скорчившись, втиснув пухлую коленку между перилами, сидела на ступеньках. Он вскипел – торчать в этой части дома, да еще без ее красивой школьной формы, ей было не положено, и она это знала. Она разглядывала мокрое пятно, расплывавшееся по цветочкам обоев над телефоном.

Он включил свет, спросил, что это за представления такие. Такими темпами на тележке у Пэдди только пучок гнилой морковки останется. Как она считает – можно так вести дела?

Она, видно, встала с левой ноги, с ней бывало, и притворилась, будто не слышит, задумавшись. Он чуть ее не ударил. Ничего от матери не было в этом лице, разве что веснушки на скулах.

– Вот веди, веди себя эдак, – заметил он в который уж раз, – и кончишь за прилавком в Вулворте.

² См. «Ромео и Джульетта», акт IV, сц. I, акт V, сц. 3.

³ Художественный фильм 1932 года. Реж. Дж. Кьюкор.

Только зря он ее подначивал. Как бы назло ему не побежала туда наниматься – с нее станется.

– Ты чересчур на меня давишь, – сказала она. – Хочешь купаться в лучах моей славы.

Тут уж он не стерпел, поднял руку, но она прошмыгнула мимо с мокрыми глазами, и сразу весь мир для него помутился от этих слез.

Он позвонил Харкорту и обиняками, исподволь старался найти утешение.

– Три бутылки дезинфекции... – он читал по списку, – четыре фунта карболового мыла... дюжина свеч... двадцать рулонов туалетной бумаги... Джордж Липман замолвил словечко своей сестре. Это в отношении Стеллы.

– С превеликим моим удовольствием, но больше десяти не могу, – сказал Харкорт. – И те лежалые.

– Я спрашиваю себя: верно ли я поступаю?

– По-моему, у нее нет других возможностей, – заметил Харкорт, – раз в школе отказались принять ее обратно.

– Ну, не отказались, – поправил его Вернон, – они, в общем, считают, что для нее бесполезно там оставаться. И вы же знаете Стеллу. Уж если она что вобьет себе в голову...

– Да-да, – сказал Харкорт.

Хоть в жизни не видывал девочку, он часто говорил жене, что, если пришлось бы, свободно бы сдал по этому предмету экзамен. Его обширные познания по части Стеллы базировались на ежемесячных сводках, предоставляемых Верноном, когда тот заказывал товары для ванны и прачечной.

– На той неделе такую бучу подняла, – откровенничал Вернон, – из-за этого вечера танцев для хозяев гостиниц. Лили достала парашютного шелка, отвела ее к портнихе на Дьюк-стрит платье шить. Вот уже, значит, вечер, штукovina эта на вешалке болтается, чтоб отвиселась, а она отказывается ее надевать. И ни в какую. Кремень. В итоге мы не пошли. Вы удивлялись, наверное, куда мы делись.

– Не без того, – соврал Харкорт.

– Она против рукавов возражала. Чересчур, мол, пышные. Не пойду я, мол, на люди с руками как у боксера. Так я и не увидел ее в этом платье, но Лили говорит – картинка. Созревает, знаете.

– Да? – сказал Харкорт и на миг задумался о собственной дочери, которая часто казалась ему какой-то ненастоящей в сравнении со Стеллой. Созревает она или нет? Вечно ходит ссутуленная, прижав к груди сумочку. – Ну а кашель как? – спросил он. И услышал, как ус Вернона легонько скребет по трубке.

– Ничего. Не беспокоит. Спасибо, что поинтересовались. Премного вам благодарен. – И заказал новое ведро и пыж для ванны, прежде чем повесить трубку.

Лили он сказал, что Харкорт целиком и полностью одобряет их решение. Лили разделяла кролика.

– Харкорт считает, что она создана для этого.

У Лили оставались сомнения.

– Такие, как мы с тобой, по театрам даже не ходят. А не то чтоб на сцене играть.

– Но она не такая, как мы, ведь верно? – заметил он, и что тут можно было ответить?

* * *

Они спускались по ступенькам как два канатоходца. Стелла вытягивала носки взятых напрокат, дядя Вернон откидывался назад в малиновом жилете, вздутом над поясом брюк, одной рукой он придерживал Стеллу под локоть и воздевал другую, защищаясь черным зонтом от дождя. Жилет был кошмарный, из обрезков сукна, которые Лили купила на распродаже,

чтоб оживить диванные подушечки в гостиной для жильцов. Хотела выкроить треугольнички, звезды, квадраты, но не дошли руки.

– Пусти! – потребовала Стелла, выдергивая локоть. – Ты меня позоришь.

– О? – сказал дядя Вернон. – Что за новости? – Но тон был миролюбивый.

Трехчасовой аэроплан, который взлетал из района Спик для пятиминутных рейсов над городом, прогрохотал в вышине. Всполошенные голуби еще плавали над булыжниками. Все, кроме одного, хроменького, который прыгал по сточному желобу и клевал брызговик такси. День был хмурый, неоновая вывеска над дверным козырьком вспыхивала с самого завтрака. Лужи мигали багровым. Потом, уже после того как посетит этот дом, Мередит заметит, что красные огни любят только в борделях.

Дождь моросил на Стеллу, и она заслоняла голову руками: знала, что за ней наблюдают сверху, из окна. С утра пораньше Лили усадила ее за кухонный стол и приступила к ней с щипцами. Щипцы, переливаясь из едкой рыжины в синюю матовость, цапали пряди и тесно привинчивали к черепу. А потом разогретые кудри, по очереди высвобождаясь, колбасками прыгали на приметанный к бархатному платью воротничок.

– В гробу, – сказала Стелла, – мои волосы и ногти еще будут расти.

Лили поморщилась, но взяла эту мысль на заметку, чтоб пересказать при случае коммивояжеру с пересаженной кожей. Он, не в пример разным прочим, мог оценить это чересчур, может быть, смелое наблюдение. На взгляд Лили, оно лишний раз подтверждало, что девочка умна не по годам, и доказывало, хотя доказательств не требовалось, какая у нее буйная, пусть и мрачная фантазия.

Дядя Вернон расплатился с таксистом заранее. Об этом уговорились с вечера, после скандала, Стелла заявляла, что лучше ей умереть, чем дать чаевые шоферу.

– Я тогда на трамвае поеду, – уперлась она.

– Будет дождь, – говорил дядя Вернон. – Ты же вымокнешь вся.

Она отвечала, что ей плевать. У нее, мол, есть кое-что за душой, что будет безвозвратно испорчено, если она себе позволит совать человеку чаевые.

– Ну, накинь ты ему шесть пенсов, – не сдавался дядя Вернон. – Девять от силы. В чем дело, не пойму?

А она, мол, нет, сам процесс унижительный. Вредный и тому, кто дает, и тому, кто получает.

– Так и не набавляй ему ничего, дурья твоя голова, – не уступал дядя Вернон. – Сунь ему, сколько настучит, и дай деру.

Бесполезно было спорить с девчонкой. С вечной ее демагогией. Конечно, судьба у нее с самого начала не ахти как ладно сложилась, так ведь не у нее первой, не у нее последней, и это еще не резон из каждого пустяка выжимать до последней капли трагедию. Чувства же не белье после стирки. Их не надо вывешивать на веревке всем напоказ.

По большей части ее поведение отдавало показухой и беспринципностью. Он встречал таких в армии: люди из рабочей среды, из простых, начитаются книжек и потом дурью мучаются. Будь она мальчишкой, он бы ее разок-другой вытянул ремешком, ну или бы хоть отшлепал.

Что, например, за выдумка – и, между прочим, накладная – палить на лестнице электричество, только-только стемнеет. По версии Лили, так это она запомнила якобы те дела, когда свет горел среди ночи, – господи, да всего же девять месяцев было ребенку! Нет, он лично грешил на поэзию, песенки, куплетики про тоску и печаль, на которых она помешалась; и, между прочим, ему не очень-то верилось в эту самую боязнь темноты. При затемнении, например, когда весь город тонул в чернильном мраке, выбегала же она во двор и битый час причитала, как на похоронах, стоя под черной ольхой. Или тот случай, когда он приехал на побывку, а она удрала из убежища, и они с ответственным по бомбежкам обыскались ее, с ног сбились,

и она нашлась на кладбище, сидела у ограды и в ладошки хлопала, когда сахарные склады на Док-роуд лопались, как бумажные кульки, и фейерверком взлетали над городом искры. Это как понимать?

Всегда невозможная была, всегда черт те что выделявала из-за мелочей, мимо которых нормальный человек пройдет и не заметит. А она ополчается, воюет, доводит прямо-таки до нелепости. Он не забыл, какой она устроила концерт, когда пришлось убрать с площадки этот декоративный фонтанчик. Орала: он калечит ее прошлое, с корнем выдирает воспоминанья. Он язык прикусил, чуть не брякнул, что в данном случае оно и лучше. Бывает кое-что и похлеще, чем когда убирают фонтанчик. Вот вам наглядный пример, какая сомнительная вещь – наука история: любой пересказ событий заведомо однокбок.

Трудно дался ему, еле простил; и тот безобразный номер, который она отколола из-за срубленной черной ольхи на темных задворках: выскочила из дому как полоумная, буквально бросилась на топор. Ма Танг, соседка, решила, что он убивает девочку, стала швырять в него с крыши бани картофелем. А папаша этой Ма Танг, с косичкой из трех волосинок, вытащенный в сад на заре подышать, погнал внука за полицией.

С фонтанчиком – это было вынужденной мерой. Припозднившиеся постояльцы, когда припечет, употребляли его вовсе не по назначению. Ну а насчет пресловутой ольхи, несчастного, больного растения с изъеденными листьями, так она канализационным трубам мешала. В обоих случаях, а сколько их было еще, этих случаев, на лице у Стеллы появлялось такое сверхчувствительное выражение, что ему было просто смешно. Хотя она, возможно, и не совсем притворялась. Моментами он готов был поклясться, что у нее действительно что-то такое творится в душе.

Лили, со своей стороны, пыталась уломать Стеллу, чтоб позволила дяде Вернону проводить ее до театра. Намекала, что он заслужил. Не будь он знаком с братом Розы Липман – вместе горемыкали мальчишками в Эвертоне, – не видать ей театра. Он же никому не будет навязываться. Он человек тонкий. Даже мясник с Хардман-стрит, который его нагрел на конине, не стал этого отрицать. Да он никуда и входить-то не собирается, тихо-мирно ее обождет в кафе Брауна.

– Тихо-мирно, – передразнила Стелла и расхохоталась по своему обыкновению.

Грозилась запереться у себя в комнате, если он силком за ней увяжется. Комната у нее, конечно, не запиралась, но видно было, что она от своего не отступится. Заявила даже, что не надо ей никаких шансов, только б не вышагивать им навстречу с дядей Верноном под ручку. «Учти, я не шучу», – сказала ему.

Сильно задетый, хоть она не позволяла ему брать ее за руку с тех самых пор, когда он таскал ее туда-сюда в этот детский садик на Маунт-Плезант, он резко качнулся в своем плетеном кресле у плиты и назвал ее эгоисткой. Он всегда ужасно мерз, даже летом, и усаживался к огню так близко, что одна ножка у кресла обуглилась. Лили говорила, что по щиколоткам у него такие узоры, что можно ходить без носков. Он дождется, предупредила она, что кресло прикажет долго жить от его раскачки и вывалит его прямо на угли.

– Ты успокойся, – уговаривала она. – Это возраст у нее такой.

– Тут поневоле поверишь в наследственность, – кипятился он. – Вылитая копия паршивки Рене.

Только неправда это. В девчонке ни с кем и никакого сходства не наблюдалось.

Усадив Стеллу в такси, он помедлил, прежде чем хлопнуть дверцей. Он был при всем параде, и у нее еще оставалось время одуматься. Но она уставилась прямо перед собой с видом непонятой добродетели.

Все же, когда такси, в гирлянде голубей, рвануло от тротуара, она не удержалась, мельком глянула через заднее стекло и на дядю Вернона. Он стоял под гигантским зонтом, махал изо всех сил рукой, в знак того, что желает ей удачи, и она послала ему запоздалый, беглый,

неувиденный поцелуй, когда такси завернуло за угол и через трамвайную линию заскользило к Кэтрин-стрит. Она настояла на своем, но радости не было. За все приходится платить, думала она.

Дядя Вернон вернулся в дом и принялся ладить большой крюк к кухонной двери. Лили прибежала на грохот и поинтересовалась, зачем это надо. Он еще не снял свой военный берет, не сменил парадные брюки.

– Чтоб вещи вешать, женщина, – буркнул он, в сердцах загоняя шуруп и совсем не замечая, как с двери из-за этого сшелушивается краска.

– Что, например? – спросила она.

– Например, кухонные полотенца, – сказал он. – А ты думала? Лучше, считаешь, мне самому повеситься?

Лили сказала, что ему бы не грех проверить свои мозги у доктора.

2

Дорога заняла от силы минут десять: когда Стелла приехала на Хотон-стрит, часы «Ойстер бара» показывали четверть четвертого. Она выскочила из такси и в секунду оказалась у служебного входа. Если б она зазевалась, стала раздумывать, благодарить шофера, причесываться, ее, может быть, унесло бы совсем не туда и все бы пропало.

– Стелла Брэдшоу, – сказала она швейцару. – Режиссер меня ожидает. Мой дядя знаком с мисс Липман.

Вышло нескладно. Она всего-навсего хотела сказать, что у нее назначена встреча с Мередитом Поттером. Не успела она еще закрыть рот, как стройный человек в куртке с капюшоном, а за ним плотный в плаще и галошах обогнули поворот лестницы. Так бы они и скользнули за дверь, если б швейцар не окликнул:

– Мистер Поттер, сэр. К вам тут барышня.

– О! – вскрикнул Мередит. Он повернулся на пятках и замер, прижав правый кулак ко лбу. – А мы как раз вознамерились чай пить, – сказал он и нахмурился, будто его заставили ждать часами.

– Я пришла вовремя, – сказала Стелла. – Мне назначено на три пятнадцать.

Когда она узнала его поближе, поняла, что он хотел от нее улизнуть.

– Ну, тогда пойдёмте. – Мередит прошел по коридору в мрачную комнату похожую на мебельный склад.

Человек в галошах был представлен Стелле как Бонни. Помреж. Непонятно, важная ли птица. Плащ был замызганный. Он бегло, сладко улыбнулся, пожал ей руку и вытер свою защитного цвета платком.

Несмотря на множество стульев и диван, стоявший под прямым углом к каминной решетке, сесть было негде. Стулья, друг на дружке, лезли к самому потолку, мужской велосипед, с погнутыми спицами, заляпанными серебрянкой, задрав колеса, валялся поперек дивана. Пахло странно: малярной краской, столярным клеем, сырой одеждой. Стелла приткнулась возле посудного шкафа, на стекле которого была выгравирована голая женщина. Я не должна бояться, думала Стелла, уж точно не голой груди.

Помреж уселся на решетку камина и углубился в созерцанье собственных галош, Мередит зажег сигарету, запустил потухшей спичкой в темный угол и закрыл глаза. Стелла поняла, что ее наружность их не впечатлила.

– Мисс Липман назначила мне прийти, – сказала Стелла. – Опыта у меня пока нет, но я получила золотую медаль лондонской Театральной академии. И еще я выступала по радио в детской передаче. Я часто ездила на поезде в Манчестер, и американские летчики, когда садились в Бертонвуде, выкручивали в вагонах лампочки. В результате я научилась разговаривать мужским голосом, как южные американцы или как жители Чикаго. Они звучат по-разному, знаете ли. Ирландский акцент у меня тоже хорошо выходит. Если бы у меня был кокос, я бы изобразила, как скачет лошадь.

– К сожалению, кокоса у меня при себе нет, – сказал Мередит и стряхнул пепел на пол. Прямо над ним косо висела на гвозде чья-то рогатая голова.

– На самом деле, – уточнила Стелла, – я только аттестат получила с золотыми буквами. Медали перестали выдавать из-за войны.

– Ах, война-война, – вставил Бонни.

– Преподавательница хотела, чтоб я показала отрывок из «Выбора Хобсона»⁴ или «Любови на пособие»⁵, но я разучила телефонный разговор из «Билля о разводе».

⁴ Романтическая комедия британского режиссера Д. Лина.

– Не припоминаю такой пьесы, – сказал Мередит.

– Алло, алло... – начала Стелла. Взяла из посудного шкафа фарфоровую вазу, приложила к уху.

– Когда человек нам нужен, его почему-то всегда не оказывается дома, – заметил Бонни.

– Будьте любезны, сообщите его сиятельству, что мне тотчас с ним надо поговорить, – произнесла Стелла.

Мертвый мотылек отлепился от вазы, брошкой приклеившись к Стеллиному воротничку. Мередит расстегнул куртку, обнаружился галстук-бабочка, розовый шнур, на котором болтался монокль. Стелла ни у кого не видывала такой стекляшки, только у мистера Ливи, хозяйина магазина марок на Хакинс-Хэй.

– Сообщите его сиятельству... – повторила она и осеклась, потому что теперь Мередит вытащил из жилетного кармана часы и показывал Бонни.

– Чай пить пора, – сказал он. – А вы – вот что, пойдете с нами. – Схватив Стеллу за локоть, он поволок ее по коридору и вытолкал под дождь.

По улице втроем, сомкнутым строем, было не пройти. Тротуар узкий, полно народу. Мередит выделывал сложные восьмерки, продираясь через толпу. Не приученная к тонкому обхождению, Стелла не поняла, что он ее оберегает от падения с края тротуара. Решила, что хочет отделаться. Скоро она отстала и нарочно плелась сзади, одна нога на тротуаре, другая на мостовой. Мередит, с поднятым капюшоном, как монах, вышагивал впереди. Она слушала, как он о чем-то важном секретничал с Бонни, но иногда орал, чтоб перекричать уличный шум. Бонни был из-за чего-то или из-за кого-то расстроен. Казалось, он страдал от боли или даже отчаяния.

– Лицемерие – вот я чего не переносу.

– Да, это всегда мучительно, – соглашался Мередит.

– Как больно, о господи, как мне больно.

– У меня ведь тоже было такое в Виндзоре, если помнишь.

– О господи, как мне больно.

– Бедный ты мой! – выкрикнул Мередит, потому что между ними вклинилась женщина с нагруженной дровами детской коляской.

На разбомбленном участке рядом с рестораном Райса извивался на грязной земле человек в мешке. Его напарник в одной майке и рваных штанах стягивал мешок цепями. Потом распрямился, и по бицепсу вильнул хвостом синий дракон.

– Я просто этого не переживу, – сказал Бонни.

Чай пили на третьем этаже в кафе Фуллера. Когда поднимались по лестнице, Стелла закашлялась, осторожно вытерла губы платком, который дала ей Лили, и внимательно проверила – нет ли пятен крови. Мередит смотрел, она знала. И определенно забеспокоился, потому что поскорее пропустил ее в дверь.

Бонни, когда снимал плащ, зацепил поясом молочник на столике рядом с вешалкой. Розовая скатерть была так накрахмалена, что плотный молочный комочек распрыгался рядом с сахарницей. Бонни не заметил. Три пожилые дамы в промокших лисьих мехах, которые сидели за столиком, принялись извиняться.

Стелла сказала, что ей надо остаться в пальто.

– Промокла же вся, – запротестовал Мередит.

– Не имеет значения, – сказала она.

Утром, когда она одевалась, они с Лили так и не пришли к соглашению, можно ли показываться в этом платье. Оно было самое лучшее, выходное платье, но бархат всегда собирает пыль. Самое время новое покупать, сказала Лили, если, конечно, с работой получится.

⁵ Социальный роман У. Гринвуда и одноименная пьеса в соавторстве с Р. Гау.

Пока Мередит проходил между столиками, по залу катилась волна оживления. Постоянные посетительницы узнавали его. Порхали вуалетки, щелкали сумочки, взблескивали зеркала – они прихорашивались. Делали вид, что не смотрят, а сами съедали его глазами. Распорядительница подлетела к нему, объяснила, что сегодня так и расхватывают пирожные. Но она приберегла два изумительных наполеона. Мистеру Поттеру достаточно слово сказать, и оба будут к его услугам.

– Вы очень любезны, – пробормотал Мередит.

– Я не голодна, – сказала Стелла и уставилась вдаль, словно видела что-то, недоступное постороннему взгляду. Но почти тут же сложила губы в легкой улыбке: часто, когда она считала, что на лице у нее задумчивое выражение, дядя Вернон спрашивал, чего она думается.

Она чувствовала себя не в своей тарелке и винила в этом монокль. Страшно увеличившийся глаз Мередита изучал стену над ее левым плечом. Она хотела что-то сказать, но не могла языком пошевелить. Было ужасно обидно – вдруг вот так онеметь. Всегда, сколько себя помнила, она болтала с жильцами Лили. Рассказывали они мало увлекательного: какой у них дом, двуспальные кровати, занавески. Или какие овощи лучше принимаются у них на участке. Совали под нос мутные фотографии жен с выщипанными бровями и деток в полосатых купальниках, барахтающихся в волнах прибоя. Кое-кто в пьяном виде переходил грань и лез целоваться. Одному удалось, в холле, когда она обдирала сухие листья герани. Она, правда, морщилась, терла рот полотенцем, но ей не было противно. Во всяком случае, никто пока еще не смотрел на нее как на пень.

– Разве я могу закрывать на это глаза? – стонал Бонни. – Нельзя прощать предательство.

– Ну, это как поглядеть, – сказал Мередит. – Бывают вещи и похуже. Коварство, например.

Монокль выскочил из глазницы и запрыгал по крахмальной груди.

– Я знаю одного человека, – сказала Стелла, – который вообще не закрывает глаза. Не может, даже когда спит. Его самолет разбился в Голландии, у него загорелось лицо. Ему вырезали кожу с плеч и сделали искусственные веки, но они не действуют. – Она широко раскрыла глаза и смотрела не мигая.

– Очень любопытно, – ответил Мередит.

– Невеста приехала к нему на свидание и от него отказалась; только кольцо забыла вернуть. Потом написала ему письмо, что знает, какая она плохая, но она за детей испугалась, как бы эти веки не передались по наследству. Он говорит – самое ужасное, что люди его считают свирепым, а он целыми днями плачет в душé.

– Какой ужас, – сказал Бонни. Чешуйки наполеона ссыпались с его потрясенного рта.

Мередит делал вид, что слушает, но Стелла была уверена, что он думает о другом. Как ни странно, она чувствовала, что кого-то ему напоминает, и он не может вспомнить, кого. Сначала он ей показался неинтересным: лицо какое-то белое, какой-то приторный вид. Он не обращал на нее абсолютно никакого внимания, и она решила, что он занят одним собой. Сейчас по слегка раздувающимся ноздрям, по презрительно склоненной голове она видела, что он ее принимает за дуру. Если б не эта обесцвеченность тонких, тронутых никотином пальцев, барабаниющих по столу, она бы его просто боялась.

Секунду она раздумывала, не стоит ли снова закашляться. Но вместо этого стала ему рассказывать про Лили, и дядю Вернона, и «Аберхаус-отель». Терять было нечего. Все равно он, конечно, не собирался слушать ее отрывок из «Билля о разводе».

В общем, это не то чтобы в полном смысле отель, призналась она, скорей пансион, хотя дядя Вернон два года назад поставил новую ванну. Когда Лили покупала дом, над дверью уже мигала вывеска, клиенты привыкли к названию, глупо было менять. Лили покрасила рамы и двери бежевой краской, но люди путались, проходили мимо, и тогда дядя Вернон все опять покрасил в красный цвет. Лили считала, что цвет безобразно кричащий. Сначала Лили и ее

сестра Рене собирались вести дело вместе, только Рене скоро плюнула на все и свалила в Лондон. Невелика потеря. Она была стильная, никто не отрицает, но кому это надо на ливерпульских задворках? Люди, как увидят эти картины в прихожей или атласные подушечки, натканые в изголовьях постелей, сразу смывались. Кое-кого из постоянных жильцов видели на пороге у Ма Танг, у соседки – однорукого мыловара и торговца пробкой со стеклянным глазом в том числе: вволакивали туда свои чемоданы с образчиками.

– А что за картины? – спросил Бонни.

– Гравюры, – ответила Стелла. – Несчастные девы в чем мать родила, неизвестно зачем привязанные к деревьям. Ну и еще голос ее им на нервы действовал. Чересчур благородный. Как-то она сюда опять заезжала, но зря. После той истории со светом среди ночи, когда соседи на нее пожаловались в полицию, дни ее были сочтены.

– А почему соседи пожаловались? – спросил Бонни. Не он один заинтересовался. Дамы за соседним столиком вытянули шеи, ушки на макушке.

– Да так, – сказала Стелла. – Я не могу в это углубляться. – Она глянула на Мередита и поймала его на широком зевке. – Потом дядя Вернон все взвалил на себя. Фактически он управляет отелем. Он говорит, от меня будет меньше вреда, если меня пустят на сцену.

Бонни признался, что по ее рассказам ему понравился дядя Вернон. В этом человеке угадывается скрытая глубина. Стелла, вероятно, больше пошла в него, чем в мать.

– Ой, тут вы ошибаетесь, – запротестовала она. – Нет, это я, наверное, в мать, потому что дядя Вернон мне никто.

Мередит все еще зевал. Еще мерцало золото задних зубов, когда он вынул бумажку в десять шиллингов и помахал официантке.

Стелла, извинившись, пошла в женскую уборную и притворилась, что моет руки. В зеркале она видела, как дежурная – серебряный обруч на рыжих кудрях – клюет носом на стуле у двери. В красной мисочке на подзеркальнике всего-то было шесть пенсов. Недостаточно, чтоб войти в долю за чай на троих плюс еще два пирожных и чаевые, и притом – как неслышно сунуть их в карман?

Что лучше – чтоб Мередит счел ее халявщицей или чтоб ее арестовали за воровство? Может быть, упасть в обморок? Миссис Аккерли ее учила расслаблять мышцы и падать, как куль с мукой.

Вряд ли Мередит будет требовать с нее треть по счету, когда увидит распростертую на полу. Да, но вдруг она упадет нескладно, выставит резинки от пояса всем напоказ, как проститутка? Дура я, дура, думала она. Дядя Вернон предлагал ей деньги, а она воротила нос.

С колотящимся сердцем она засунула в рукав три пенса, но дальше нервы не выдержали, она вышла и увидела, что оба, уже одетые, ждут ее у выхода.

На улице Мередит сказал, что они еще встретятся, когда начнется сезон. Бонни возьмет над ней шефство.

– Но вы же не видели, как я играю, – изумилась она.

Она уже примирилась с карьерой продавщицы в Вулворте. Он вздернул брови и сказал, что полагает иначе. С ней в свое время свяжется секретарша. Она покраснела, когда он пожимал ей руку.

– Жду новых встреч, – галантно сказал Бонни. Поцеловал ее в щеку и предложил остановить такси.

– Мне надо еще кое-что купить, – сказала она. – Я сама потом поймаю. Дядя Вернон никогда не ездит на такси, он считает унижительным давать чаевые. Глупо, правда? Огромное вам спасибо за чай.

Дождь перестал, тучи были в заплатах холодного белого света. Она бросилась через дорогу бегом, будто вдруг увидела знакомого, добежала чуть не до конца Болд-стрит и только там остановилась и оглянулась. Она ничего не видела из-за трамвая, которому не давала про-

ехать тележка с углем, но когда он протренировал мимо, то рассмотрела: Мередит, подняв капюшон, вышагивает через Ганновер-плейс в сторону реки. В глубине души она знала, что это не он. Теперь всю мою жизнь, думала она, я тебя буду видеть в любой толпе.

Она поднялась в гору, к церкви Святого Луки, в которой ее прадед – воображаемый конечно – некогда играл на органе. Сизые травы плескались в сквозных пробоинах зависшей в поднебесье на своих винтовых ступеньках разбомбленной колокольни. Дядя Вернон говорил, что это уродство и непонятно, почему муниципалитет не может сровнять все сооружение с землей и довести до конца то, что начали люфтваффе. Стелла спорила, говорила, что церковь – памятник архитектуры, а разбитая колокольня – лестница из прошлого в будущее.

Теперь она знала, что прошлое вообще не считается, а будущее поинтереснее ветхой каменной кладки. Любовь – вот что станет ее лестницей к звездам, и, сама потрясенная величием образа, она выдавила слезу.

Наверху, на углу возле «Коммерческого отеля», она позвонила маме, использовав те три пенса, которые стащила в кафе Фуллера. Солнце уже садилось, и все в синяках было небо над «Золотым драконом».

– Я не чувствую за собой вины, – призналась она. – Необходимость оправдывает, ты согласна? Да никто меня и не видел.

Мама говорила обычные вещи.

3

Сцена была так плохо освещена, что по углам ничего не видно. Чтоб хоть как-то защитить зал от пыли, опустили пожарный занавес. Кто-то, один-одинешенек, оседлав заляпанный краской верстак, перепиливал доску. Толкал пилу, ее тень убегала вперед и переламывалась. Джеффри и Стелла говорили шепотом, как в церкви.

– Тут глубже, оказывается, – сказал Джеффри.

– И противней, – добавила Стелла, которая, если бы ей не мешали, могла бы, как волшебник, вызвать из этой тьмы вересковое поле под ветром, ангар, операционную, заставленный книгами кабинет, где Фауст продает душу дьяволу. Этот Джеффри ее отвлекал, он все дергал себя за волосы, натягивая их на лоб. Не единственная его дурная привычка. Волосы, жесткие, мелким бесом, тут же, как только он их отпустит, отскакивали обратно. Стелла почти сразу на цыпочках прошла вглубь сцены и, через раздвижную дверь, в реквизитную. Джеффри дико ее раздражал.

Она считала, когда ее позвали работать в театр, что она одна из немногих избранных. Обнаружив в славном списке героев этого Джеффри, она жестоко разочаровалась. Девятнадцать лет, всего на три года ее старше. Племянник Рашфорта, председателя правления, недавно вышибленный из военного училища, потому что в кого-то не того пальнул из ружья.

Их обоих, Джеффри и Стеллу, называли учениками. Джордж, реквизитор, объяснил, что на самом деле они ассистенты помрежа, но так им можно не платить жалованье. Джеффри носил галстук с абстрактным рисунком и ходил, сжав кулаки, будто до сих пор вышагивал в строю. Вечно запускал разными словечками, которые Стелла более или менее понимала, но в разговор ни за что бы ни вставила. Боялась за произношение.

Он загнал, например, в угол Бонни – тот буквально мигал от скуки, – и объявил, что Т. С. Элиот, с его точки зрения, поэт *mapчe*⁶. И не успокоился, пока не процитировал несколько муторных строк:

Паденье. Как-то на Риальто.
За балкой крысы. В спайке и впотьмах,
Еврей за сделкой. Смех
Лодочника, денежки в мехах⁷.

Цитатка была та еще. Стелла прекрасно понимала, что речь тут не о кинотеатре «Риальто» на Аппер-Парламент-стрит, но все равно ее разбирал смех. У дяди Вернона были спайки.

Джеффри на этом не успокоился, он сказал, что всякий, кто станет разбазаривать свои силы на банкиров и ростовщиков, априори обречен на неубедительность. Стелла подумала, уж не антисемит ли Джеффри. Только расист, после всего, что было, способен валить в одну кучу крыс и евреев.

Конечно, язык у Джеффри был хорошо подвешен. Но странно: во всем остальном он был абсолютный невежда. Джордж обращается, например, прямо к нему, а он пятится, задрвав подбородок, как обиженная девица. Джордж, например, заваривает чай и его раздает, а Джеффри вытирает платком край кружки или даже ручку. Совершенно плюет на то, что Джордж видит. И притом – ни капли любопытства. Стелла битых полчаса кашляла в закускойной «Нового театра» на Клэйтон-сквер, а он хоть бы поинтересовался, нет ли у нее склонности к туберкулезу.

⁶ Неудавшийся, плохой (*франц.*).

⁷ Т. С. Элиот. Из сборника «Стихотворения» 1920 года.

И все равно Стелла из-за него потеряла покой. Дядя Вернон всегда намекал, что она поумнее других, и один его деловой знакомый, мистер Харкорт, старикан из ливерпульской Коллегии, даром что докатился до продажи туалетной бумаги, подтверждал это мнение. Если б не Джордж, она бы просто погибла под грузом вдруг обнаружившегося собственного невежества.

Это Джордж, а никакой не Бонни, взял над ней шефство. Бонни, тут как тут, шлепал в своих галошах по каменным переходам, но был слишком занят, чтоб особенно обращать внимание на нее или Джеффри. Это Джордж ей объяснил, например, что Мередит в Лондоне, с оформителем, выбирает костюмы для предстоящей премьеры. А до тех пор, в надежде, что Мередит на нее наткнется, она зря торчала на лестнице три дня чуть не сплошь, скрючившись на ступеньках и листая томик Шекспира. И на всякий случай так часто причесывалась, что опасалась, что волосы выпадают.

Это Джордж ей сообщил, что актеров еще десять дней не будет. Заскочит разная мелюзга разведать насчет жилья, но и думать нечего, что Ричард Сент-Айвз, герой-любовник, или Дороти Бланделл, его партнерша, вдруг объявятся раньше срока. Сент-Айвз и мисс Бланделл вместе с Бэбз Осборн, характерной инженерю, выступали тут в прошлом сезоне. Второй раз редко с кем заключают контракт, хотя П. Л. О'Хара по желанию публики выступал подряд даже три года. Если бы захотел и не случилось войны, он бы и на четвертый сезон вернулся.

– А что такое характерная инженерю? – спросила Стелла, и Джордж объяснил, что это такая девушка, которая из-за внешности не может быть просто инженерю. Он прятал глаза, но она и не думала обижаться: сама все понимала про свои данные.

Сент-Айвз и Дороти Бланделл останавливаются в одной квартире, хотя между ними ничего нет. В тридцать восьмом году мисс Бланделл сыграла в «Ричарде II» королеву, а О'Хара играл самого Ричарда, с тех пор она и сохнет по нему. Зря время теряет. В жизни, как и в той пьесе, ничего ей не светит. Джордж намекал, что Дороти Бланделл не знает женского счастья.

Сент-Айвзу же сподручней путаться с гастролершами, выступающими в «Ройял Корт» или «Эмпайр». Поматросит и бросит, и дело в шляпе. В прошлом году завел роман с солисткой «Розмари» – сопрано, точеные ножки плюс двойня, которую выкармливала из бутылочки ее мамаша в Блэкберне.

– Ой, я же этот спектакль видела, – в восторге воскликнула Стелла, вспомнив тот день рождения Лили, и как во втором антракте у дяди Вернона схватило живот после ужина в «Золотом Драконе».

«Розмари» не раскусила Сент-Айвза. Ее труппа отправилась дальше, к театру «Ипподром» в Лидсе, а она в воскресенье, чуть свет, села в машину, которую вел сохший по ней тромбонист из оркестра, и докатила обратно до самого Ливерпуля. Тромбонист, думая, что вернулись за продуктовыми карточками, забытыми у квартирной хозяйки, остался на Фолкнер-сквер и покурил сигару. Когда в англиканском соборе зазвонили к обедне, он закрыл окно и потому абсолютно не слышал дикого грохота, который поднялся в пансионате. Когда до «Розмари» наконец-то дошло, что к чему – Сент-Айвз и женщина, как он божился, его тетушка из Кардиффа, оказались в пижамах под цвет, он наверху, она снизу, – она схватила шило – им обычно счищали с газовых конфорок нагар – и нацелилась ему в причинное место. Сент-Айвз имел потом неприятный разговор с Розой Липман. Она говорила, что дело пахло заражением крови и он мог провалить ей сезон. Бэбз Осборн крутит любовь с поляком, бывшим военным летчиком, который зашибает теперь деньгу на металлломе.

– Это он присочиняет, – сказал Джеффри. – Я с такими уже сталкивался. Просто-напросто дает нам понять, что с ними со всеми на короткой ноге.

– Почему, насчет конфорки все убедительно, – не согласилась Стелла. – Не станет человек ни к селу ни к городу приплетать нагар.

С Джорджем ей было легко. Он ей дал синюю спецовку, чтоб ее одежда не пылилась. Спецовка почти полностью прикрывала горчичный джемпер и брючки, которые ей купила Лили. Как-то, когда перебежала площадь, неся для Бонни из кафе Брауна бутерброд с яйцом, она налетела на дядю Вернона. Он ходил на рынок за окороком и выглядел неважно.

– Что это за номера за такие? – спросил он, возмущенный ее видом.

– Форма, – сказала она. – Полагается всем обязательно.

На другой день Бонни, завидев ее в этом облачении, тут же всучил ей рулетку, кусок мела и велел сделать замеры той двери в правой кулисе, которая будет декорацией в «Опасном повороте». И загадочно упомянул какой-то угол в сорок пять градусов. Вернувшись через полчаса и найдя доски неразмеченными, он отыскал Стеллу в реквизитной. Она демонстративно шкурила колеса развалившегося на диване велосипеда.

– В чем дело? – спросил он. Очень бледный и губы надуты.

– Я не знаю, про какие вы говорили замеры, – сказала она.

– Что именно тебя смущает? – терпеливо продолжал он.

– Да все, – призналась Стелла. – Вообще-то я не сильна в разных дюймах и футах.

По выражению лица, по тому, как он поджал губы, она поняла, что он сердится.

– Не то что я неспособная, – сказала она. – Просто у меня несистематическое образование.

– Ну ладно, ничего страшного, – буркнул он и послал ее наверх, за Джефффри, чтоб спустился с колосника⁸. Джефффри расстелил на сцене газету, оберегая свои штаны цвета хаки, и ровно за пять минут покончил с заданием.

– Я же ведь не считала эту работу для себя унижительной, – уверяла она Джорджа. – Дядя Вернон говорит, у меня скромности не хватает, раз я все считаю ниже своего достоинства.

Джордж, не сходя с места, заставил ее измерить поперечину пожарного занавеса. Дважды линейка отскакивала и била ее до крови.

– Это, наверно, не лучший способ научиться чему-то, – стонала Стелла, обсасывая костяшки пальцев.

– Смирись, – сказал Джордж, которому опыт в этих вещах дался нелегко.

Четырнадцать лет, прямо из приютской школы, он поступил рабочим сцены в «Ройял Корт». Если он капал белилами на пол, помрежогревал его по уху кистью, если забывал промаслить тряпку, в которую заворачивал инструмент, ему моментально на шесть пенсов урезали жалованье. Раз он испортил доску, так старший плотник заехал ему пилой по костяшкам пальцев.

По горло сытый такой наукой, Джордж наострил лыжи в этот театр. Самая его первая работа была в знаменитой постановке «Ричарда II», когда П.Л. О'Хара исполнял роль короля. Художник – его потом разнесло вдребезги у Триполи – хотел, чтоб низложенный Ричард изводился в подземелье замка – «...я тут раздумывал, как мне сравнить мир, где я прежде жил, с моим застенком...»⁹, и Джордж, привыкший спать в комнате с восемью другими мальчишками, где по стенам стекал конденсат, где до лазарета докашливался ребенок, начертил замкнутое пространство, практически коробку, где человек едва мог стоять навтыжку.

Местная газета опубликовала рецензию: «Лицо короля, измученное, нервное, выхваченное лучом прожектора, плывущим во тьме... когда Экстон вошел и сбил с ног ослабшего Ричарда... тени тюремной решетки пронзали копьями задник... постановка была столь убедительна, что ни одна уважающая себя женщина в зрительном зале не могла удержаться от слез».

⁸ Колосник – решетка из брусьев в верхней части сцены для укрепления декораций.

⁹ «Король Ричард II», акт V, сц.5.

Потом пришла война, Джордж поступил в торговый флот. Через два года его судно подорвалось на торпедой в двадцати четырех часах ходу от Тринидада. Девять дней он мотался в шлюпке, орал рождественские гимны и харкал нефтью.

К таким рассказам Стелла привыкла. Каждый встречный мужчина плел ей про героизма, спасения, потопления. Все тонули в лодках; пробирались через границу, переодетые почталонами; летели домой через Ла-Манш на крыльях, молитвах и честном слове. Коммивояжеры засучивали рукава, задирали брюки, демонстрируя шрамы, стучали себя по черепушке, показывая, где засела шрапнель.

Командира разорвало прямо в лодке, на глазах у Джорджа. Хотели его уложить, но он так обгорел, что застрял стоймя и пальцы прилипли к краю борта. Джордж отдирает кожу зубами. Отпечаток, напоминавший паутинку женской сетчатой перчатки, оставался на дереве, пока ее не смыло солеными брызгами.

– Какой ужас, – послушно вставляла Стелла. Джордж раскачивался над пожарным занавесом и улыбался. Стелла удивлялась, с какой нежностью вспоминают мужчины самые свои жуткие переживания.

О’Хара дослужился на военном флоте до капитана. В сорок четвертом он прислал Джорджу открытку: где-то в Котсволде слепой старик палкой нащупывает деревенскую тропку. Эта открытка до сих пор была прилеплена на стене под американским лосем и рядом с пожелтелой вырезкой из газеты – рецензией на «Ричарда II».

– Мне очень жаль, что я не видела пьесу, – любезно заметила Стелла.

Джефффри сказал, что абсурд совершеннейший – будто художник будет прислушиваться к указаниям какого-то Джорджа! Во-вторых, если этот сногшибательный капитан О’Хара – действительно такой великий актер, как нам галдычат, почему, спрашивается, он не заделался голливудской звездой, вместо того чтоб из года в год ошиваться в провинции?

– За что ты не любишь Джорджа? – спросила Стелла, когда они наверху, на четвертом этаже, убрали гримерку массовки.

– Да нет, он мне нравится, – запротестовал Джефффри. – Очень даже неглупый абориген.

– Он не какой-нибудь ниггер, – сказала она и заметила, как он перекосялся. Он был в шерстяных, добытых из шкафа митенках: боялся запачкаться. Мыл высокое зеркало скрученным листом «Вечернего эха», и с митенок капало.

– Снял бы ты их, – посоветовала Стелла. А у самой руки были все черные от полиграфической краски.

Она не доставала до верха, тянулась через туалетный столик на цыпочках, и тут-то Джефффри положил руку ей на плечо. Не случайно, конечно, – слишком уж он тяжело дышал. Она хотела его отпихнуть, но вспомнила про Мередит. Репетиция с Джефффри не повредит, когда пробьет час и Мередит позовет ее. Первое соитие, как она поняла из книг, неизбежно болезненно, если только вы не тренированная теннисистка или наездница. Несмотря на свой гестоповский монокль, Мередит, как человек светский, безусловно, будет шокирован, если она закричит. Поскорей заглотив лакрицу, которой Джордж ее угостил с утра, она повернулась к Джефффри и закрыла глаза в ожидании.

Ноль внимания на губы, Джефффри припал к ее уху. Будь это и сам Мередит, едва ли бы она особенно наслаждалась. В голову лезла детская передача, где ее учили озвучивать бурю, сбоку пыхтя в микрофон.

Она стала гладить жесткие волосы Джефффри. Женственный жест, виденный-перевиденный на экране кино. Скорей материнский, считала Стелла, чем чувственный. Так женщина гладит ребеночка, чтоб успокоился, больше не тряс головкой.

Она радовалась, что у нее чистые уши. Каждые две недели, в банный день, Лили их прочищала невидимкой. Дядя Вернон говорил, это очень опасно. Недолго и продырявить Стеллу.

Увернувшись, она перестала баюкать голову Джеффри и сунула руку вниз, отделить от него свой живот. На самом деле оказалось – все ужасно противно, и мужчина отнюдь не ребенок.

Что-то липкое, как очищенный апельсин, шлепало ее по запястью. Она не удержалась, вскрикнула от омерзения, хоть и позавидовала в то же время раскованности Джеффри. Она сама, когда из-за разных пустяков ходила к врачу, стеснялась даже язык показывать. Было страшно глянуть вниз, где билась об ее халат эта штука.

Нет, это оказался пустой номер. Придется, решила она, практиковаться на ком-то еще. Ужасно, когда эта гадость принадлежит даже любимому человеку, а уж про того, кого презираешь, и говорить нечего. Саданув Джеффри кулаком в грудь, она вырвалась и подпрыгнула, целясь в паутину на потолке. Ее всю трясло, но, как ни странно, он стал ей куда милей после этой наглости. Даже волосы показались другими, менее противными.

– Я знаю, я произвожу ложное впечатление, – сказал Джеффри, когда они покончили с примеркой. – Я знаю, ты меня считаешь пижоном.

– А кто ж ты еще? – сказала она. – Но это теперь не важно.

Она говорила правду. Если ему надо выпендриваться, пускай себе, на здоровье. И пускай щеголяет своими иностранными словечками, пока язык не отсохнет. Он для нее уже не был чужой.

– Мне нравится старина Джордж, – повторил Джеффри. – Нет, честно. Одна беда – от него воняет.

И он пошел вниз, развешивать свои митенки перед камином. Стелла помедлила, она как курица уткнулась носом в свой джемпер, обнюхивала себя. Она и не знала, что от Джорджа воняет, верней, что кислый, застоялый дух табачного перегара и невытой одежды складываются в неприемлемый запах. «Вонь» – ведь это ужасное слово, не лучше, чем «гниль».

Она подняла голову, поднесла к носу собранную горсткой ладонь, ловила запах своей кожи и вдруг поймала знакомое, забытое веянье. Нет, запах неплохой: то ли костра, то ли пустого дома. Губы уже изготовились дать этому название, но слово вдруг скользнуло за край памяти, осталась только сладость бриолина на пальцах и собственное дыхание, отдающее принесенной Джорджем лакрицей.

* * *

Это было из ряда вон – явиться домой и требовать набрать ванну. Дядя Вернон напомнил Стелле, что сегодня всего лишь среда.

– А мне безразлично, какой день, – сказала она. Твердая, как скала, аж скрежетала зубами.

А ведь тут как – тащить керосин из лавки каирца Джо, которая рядом с греко-православной церковью, на два пролета печку вволакивать, к окну одеяло прибивать гвоздями. Через проулок на задах стояли брошенные конюшни и разбомбленный дом, где клочьями свисали со стен обои, и женщины, такие, что не приведи господи, умыкали мужчин в темноту.

– Ты же в сосульку превратишься, – грозилась Лили, в пальто и шапке сбегав наверх вывесить семейное полотенце и по возвращении не попадая зуб на зуб, как капитан Скотт на пути к полюсу.

– Ну что ты с ней, дурой, будешь делать? – сказал дядя Вернон. Он прикинул, что к чему, и сообразил, что у Стеллы месячные. Иного объяснения не представлялось, а ему понятно, что соваться в воду в этот период ни под каким видом не следует.

Еще и растопка этой колонки: дело всегда-то муторное, а тут еще не по расписанию. Чуть-чуть дернешься, не рассчитаешь время между тем, как газ откроешь и чиркнешь спичкой – и всех отправишь в тартарары. «Неужели до той недели обождать нельзя?» – молил он, переводя

дух на первой площадке, с печкой в объятиях и с мочалкой из люфы, твердой, как копченая вобла и ради удобства заткнутой за подтяжки. «Нет, – отрезала Стелла. – Нельзя».

Когда он укрепил табличку «занято» на двери ванной и, осуждающе топая, спустился по лестнице вниз, Стелла сдвинула на сторону одеяло и выглянула во двор. Сильный ветер гнал молодой месяц сквозь вздымающиеся над трубами тучи. Никаких таких женщин она не обнаружила, да и не видывала никогда. Они родились в неумном воображении дяди Вернона.

Глядясь в зеркало над раковиной, она разговаривала с Мередитом:

– Добрый вечер. Я – Стелла Брэдшоу. Вряд ли вам когда-нибудь захочется меня полюбить.

Хоть диалог был воображаемым, у нее тряслись губы. Вид был затравленный, будто бес стоит за спиной. А может, это из-за теней, растревоженных голый, мотающейся на сквозняке лампочкой.

С волосами у нее явно было что-то не то. Лоб чересчур большой, и коротковата шея. Когда забывается, брови у нее взлетают, отвисает губа. Но когда она следит за лицом, у нее голова не работает. Впервые увидев Мередита, она сразу отметила, как он держит под контролем мышцы щек, хоть в глазах – любопытство. Она решила, воспитание и образованность помогают ему, вот на лице и не отражаются чувства. Бонни, который явно из той же среды, что она сама, так не умеет. Нервничая, когда, например, дает указания рабочим сцены, он строит кошмарные рожи.

Она намочила мочалку под краном и начесала на лоб волосы. В коридоре третьего яруса она видела фотографию: актриса в костюме пажа. Спросила у Бонни, кто это, и он ответил, что это кто-то в роли Жанны д'Арк, а ей, мол, не стоит сюда подниматься, потому что Роза Липман не обрадуется, если увидит, как она слоняется по коридору. Здесь территория мисс Липман. В детстве мисс Липман работала в пивнушке, руки по локоть в подтеках. С пивнушкой давным-давно покончено, но что-то гонит Розу наверх, утром и вечером, стоять на страже у выходящего на площадь окна. Бонни сказал, что иногда она берет с собой Мередита. Она к нему питает особенный интерес, потому что когда-то дружила с его матерью. Мередит ее однажды спросил напрямик, зачем она сюда ходит, и она что-то уклончивое плела о состоянии колосников и не заметил ли он крысиного помета на лестнице? Он увидел у нее на глазах слезы, хоть это, возможно, были тени от газового фонаря, сочувственно сжал ей плечо, и тогда она сказала, глядя не на него, а в окно, что ходит сюда потому, что прошлое не прошло, вот оно, тут как тут, поджидает. И Бонни прибавил: «Конечно, все это версия Мередита. А мы-то знаем, как он творчески передает чужие слова, правда ведь?» Это уж Бонни сказал зря, и явно сразу спохватился, потому что, когда Джеффри через минуту влез с дурацкой репликой о том, как поразительно, что женщина с таким тяжелым детством как у мисс Липман знает о четырехмерном времени, он накинулся на него и отчитал за непочтительность. Джеффри весь покраснел и зашагал из реквизитной как на гауптвахту. Самое удивительное было, конечно, то, что мисс Липман могла дружить с матерью Мередита.

Дядя Вернон дремал в кресле, когда спустилась Стелла. Рот открыт, нижняя вставная челюсть вынута – упала к помпончикам его туфель, отвечая улыбкой на игру огня в камине.

– Прости, что испортила настроение, – сказала она. – Сама не знаю, что на меня находит. Я же очень тебя ценю, правда. Ванну я помыла, люфу положила обратно под лестницу.

Она прекрасно знала, что, если он и услышал, то не подал бы виду. Он не переваривал пустых слов, как жирной еды. Она чмокнула воздух над его головой и на заледенелых ногах побежала к себе. Свет включать не стала. Бросила халат на постель, свернулась калачиком под одеялом и зажмурилась от пролитого по линолеуму лунного сверкания.

Вернон обождал, пока за Стеллой закрылась дверь, и только тогда встал с кресла. Раздумывал: подниматься ли наверх, снимать одеяло или до утра так оставить. Стелла едва ли этим озаботилась, не ей же по счетам платить. Утром жильцы начнут шастать туда-сюда, как хорьки,

и почему зря палить электричество, если будет темно в ванной. Бедолага с накладными веками – тот еще разберется, что к чему, только сон у него нерегулярный, и кто ж его знает, когда он очухается от своих кошмаров, а счетчик, глядишь, уже настучит кругленькую сумму.

Потирая спину, Вернон заковылял к окну. Увидел смутную тень ограды, куст, черным пятном выбивающийся между кирпичей подвала. Кто-то, звеня металлическими носами ботинок, прошел под самым окном. Бодрый пес, трусивший следом, остановился, балетно выгнув лапу и пустил искрящуюся под фонарем струю.

– А ну валите отсюда! – крикнул Вернон, колотя по окну кулаком.

На душе у него было тошно. Стелла всего три недели как на работе, а уже изменилась. Пять дней назад не подпустила Лили с щипцами для завивки и сколько раз оставляла еду на тарелке нетронутую. Не дерзила. Просто – есть не хочу, и все, и это, мол, ее личное дело, ходить в кудряшках или оставлять волосы, как их сотворил Господь, – уже не маленькая.

Лили говорила, что и в том и другом случае она, возможно, права.

В общем, девочка стала покладистой, вот разве только сегодня, и то он сам виноват, чего взъерепенился? Сам же хотел, чтоб она изменилась, сам, с кое-каким ущербом для кошелька, подтолкнул ее на этот путь успеха, и вот теперь она отдаляется. Нет, не думал он, не гадал, как ему сиротливо будет, как беспокойно.

Тут тебе не один вопрос чистоты, думал он с тоской, ванны эти.

4

Мередит звонил дважды, до и после завтрака, из вестибюля «Коммерческого отеля», где он жил. На втором звонке, когда он колотил кулаком по аппарату его застигла жена хозяина.

– Кнопку заедает, мистер Поттер?

Он кинул через плечо что-то невразумительное, бросился на вращающуюся дверь, и та вытряхнула его на улицу.

Рядом с гостиницей был сад, разбитый в честь каких-то высокочтимых мужей минувшего, где зверски, под корень подрубили розы на клумбах. Муниципальный забор разобрали для военных нужд, и сквозь прорехи времянки из оцинкованного железа Мередит видел скамейку и бродягу в подранной военной шинели. Бродяга поднял глаза, упер колкий взгляд в Мередита. Он обсасывал куриную ножку, и щетина его лоснилась.

– Я так, – сказал Мередит. – Просто садом люблюсь. Мирный оазис среди кирпичных коробок.

И пошел дальше, по зимнему блеску, унося кошачью вонь в ноздрах; ветер вздувал ему полы и катил, катил его с горки, к станции.

Он было начал повторять покаянный монолог, отдаваясь на волю Божью. О Господи, Господи, я сейчас же, немедленно приму любую смерть от Твоей руки, какую Ты ниспошлешь... но вовремя осекся, поняв, что не то затеял. Нет, он не хочет умирать, просто не имеет права, пока не придушил Хилари.

Освежив замшевые туфли перед Главным почтамтом – чистильщик орудовал проволочной щеткой, – он успел на вокзал к без чего-то десять. Зашел в станционный буфет, заказал кофе, сел в главном зале спиной к входу. В голове толпились фразы, которые он напишет Хилари, как только выкроит время. «Смею напомнить, что не заикнулся ни об едином пенни на погашение летнего счета за газ... Я ведь и обидеться могу... я не каменный... Кто часами выслушивал о перипетиях той склоки в Бромли, когда Фортескью затирал тебя якобы в „Ночи ошибок“¹⁰... и ты, конечно, не помнишь, но не я ли, после второго удара твоей матери, тащился с ней в „скорой помощи“, а потом еще трясся на автобусе за этой ее статуэткой гипсового Пресвятого Сердца Иисуса?»

Он запнулся на этом «не я ли» – не слишком ли помпезно, когда Харбер, молодой герой-любовник, тронул его за плечо. Харбер ужасно нервничал, как-никак первый ангажемент, боялся прохлопать свой шанс. Мередит его высмотрел в «Поживем – увидим»¹¹ на экзамене в драматической школе.

– Доброе утро, – сказал Харбер, – простите, что помешал.

– У меня просто голова распухла, столько дел, – сказал Мередит. Отводя от мальчишки глаза, он разглядывал пальму, увядавшую в кадке на подиуме возле рояля.

Харбер, опешив, выпалил, что считает «Опасный поворот»¹² изумительной вещью, абсолютно изумительной. И Дотти Бланделл изумительна тоже. Кстати, сколько ей лет?

Глаза у Харбера были синие, кукольные, в черной густой обводке.

– За сорок, – сказал Мередит.

Дотти было тридцать девять, но, состарь он ее хоть на двадцать лет, это бы ничуть не отпугнуло юнца. В который уж раз он подумал, как однообразен и скучен, в сущности, неусыпный отбор неподходящих объектов для страсти. Этому Джону Харберу лететь бы к Бэбз

¹⁰ «Ночь ошибок, или Унижение паче гордости» – комедия Оливера Голдсмита (1773).

¹¹ «Поживем – увидим» – пьеса Бернарда Шоу (1895).

¹² «Опасный поворот» – пьеса Джона Бойтона Пристли (1932).

Осборн, как пчелке на цветок. Дон Алленби, мазохистке из мазохисток, в ногах бы валяться у Десмонда Фэрчайлда, садиста в вечно заломленном, как у водевильного комика, котелке.

– На чашечку кофе времени не найдется? – спросил Харбер. Он был сегодня в полосатом шарфе, по-детски обмотанном вокруг шеи.

– Едва ли, – сказал Мередит и был вознагражден удрученной ссутуленностью удаляющейся к лифту спины.

Пока плотники не построили декорации на сцене театра, труппе разрешили пользоваться комнатой на верхнем этаже отеля. Она выходила окнами на кассы, или на станцию, просторностью вполне соответствовала их задачам и была к тому же роскошно отделана красным деревом. При отправлении или прибытии поезда голуби вспархивали с купольной крыши, клубы пара катили в окна, и Мередит чувствовал себя как на корме рассекающего бесплотные волны древнего брига.

В «Опасном повороте» заняты трое мужчин и четыре женщины, причем все, кроме одной, подписали контракт на сезон. Исключение составляла Дон Алленби, дама за тридцать, взятая только на эту пьесу и со второй же репетиции смертельно втюрившаяся в Ричарда Сент-Айвза. Если за утренним чаем ей первой подавали чашку, она моментально передавала ее ему, объявляя, что его потребности важнее. Стоило ему полезть в карман за трубкой, она тут же щелкала своей музыкальной зажигалкой, вызвякивавшей «Вернись в Сорренто».

Сент-Айвз был явно запуган. Загнанный в угол, похлопывал ее по плечу, а по лицу блуждала тем временем затравленная улыбка, как у хозяина, оглаживающего нервного пса, который может и тяпнуть. Он хихикал всякий раз, когда она к нему обращалась, и жался к Дотти Бланделл, ускакивая с ней под ручку, едва закончится репетиция.

В общем, он был сам виноват. Не надо было любезничать с ней в день читки. Самонадеянно воображать, что ничего не случится, если он выкажет ей мелкие знаки внимания – этой дурнушке, от которой уже в десять утра веяло спиртным, – и разливаться про интереснейшие фотографии, развешанные над лестницей, ведущей в партер.

– Все очень старые, – усердствовал он. – Некоторые 1911 года.

– Какая прелесть! – зажглась она. – Ой, покажите!

Он узнавал некоторых актеров, схваченных камерой в самых животрепещущих позах, и по тому, как она морщила лоб, что-то ляпала невпопад, заключил, что она была бы куда просвещенней, если б носила очки.

– Я один сезон играла в Престоне, в комедии нравов периода Реставрации, – заметила она, разглядывая слащавые завитки П.Л. О’Хары, изображающего капитана Крюка в «Питере Пэне».

Бонни согласился с Мередитом, что Дон Алленби была бы вполне ничего себе женщина, если бы не ее несчастная любовь к красоте, с которой бедняжка никак не могла сладить. Она из тех дев, резюмировал он, которым дай цветущий лужок, тут же они и кинутся собирать цветочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.